

**М. ГОРЬКИЙ И Д. МОРСКОЙ,
или «ГЕНИЙ И ЗЛОДЕЙСТВО...»**

© **Васильев Николай Леонидович**(2020), SPIN-код: 6568-3884, доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Россия, 430005, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), nikolai_vasiliev@mail.ru

© **Жаткин Дмитрий Николаевич**(2020), ORCID: 0000-0003-4768-3518, SPIN-код: 7997-9846, доктор филологических наук, профессор, Пензенский государственный технологический университет (Россия, 440039, г. Пенза, пр. Байдукова/ул. Гагарина, д. 1а/11), ivb40@yandex.ru

В статье рассматриваются ранее не известные обстоятельства эпистолярного, творческого и бытового общения полузабытого крестьянского поэта («еснинской школы», выпускника Высшего литературно-художественного института имени В.Я. Брюсова Д.И. Морского (1897–1956) с А.М. Горьким (1868–1936), отчасти приведшие к обвинению первого в «антисоветской агитации среди писателей» и неоднократным репрессиям. Отношения писателей в работах прежних исследователей идеализировались в угоду господствовавшей историко-литературной парадигме и вследствие идеологических причин. В данной публикации впервые вводятся в научный оборот новые материалы из архивов А.М. Горького (ИМЛИ РАН) и Д.И. Морского (ЦГА Республики Мордовия, личные фонды): письма, поэтические, прозаические, мемуарные сочинения Морского: «Максиму Горькому» (1927), «На бульваре» (1927), «Об упавшей птице (Максим Горький)» (1935), «Неслыханный голос» (конец 1920 – начало 1930-х гг.), «Что меня погубило <?>» (1938), «Воспоминания Д.И. Морского об А.М. Горьком» (1954) – позволяющие пересмотреть прежние литературоведческие установки. Делаются выводы о более сложных, чем виделось ранее, идейных, эстетических, психологических причинах возникших в начале 1930-х гг. разногласий основоположника советской литературы и молодого автора, выходца из провинциальной мордовской среды бывшей Самарской губернии. Представленные документы дополняют новыми чертами облик Горького, вынужденного лавировать в условиях временной эмиграции между, с одной стороны, заграничной интеллигенцией, с другой – высшей советской бюрократией, литературным «бомондом» и оппозиционными писательскими голосами из рабоче-крестьянской среды в СССР, прозвучавшими на почве разочарования в

последствиях революции 1917 г. с ее неосуществившимися декларациями «гегемонии пролетариата» в новом социалистическом обществе.

Ключевые слова: А.М. Горький, Д.И. Морской, «антисоветская агитация», переписка, стихи.

Хорошо известно о влиянии М. Горького на становление советской литературы. Это касается, в частности, и его переписки, личного общения с неоднократно репрессированным в 1930–1940-х гг. поэтом, прозаиком, драматургом Дмитрием Ивановичем Морским (1897–1956) [см. о нем: Васильев Л. 1964]. Письма Горького к Морскому публиковались – в неполном объеме – в академических изданиях [Горький 1963; Горький 2014, 62–63, 81–82; Горький 2016, 187–188, 247]; письма же Морского к Горькому не воспроизводились, хотя фрагментарно цитировались в комментариях к их переписке. Отношение сначала ободренного горьковским вниманием Морского к классику осмыслялось, однако, вне его эволюции [см., напр.: Васильев Л. 1964, 41–46], без учета некоторых общественных, личностных и литературных обстоятельств, которые и рассматриваются в данной статье на основе писательских архивов.

1

Переписка молодого автора с Горьким началась осенью 1927 г. в связи с выходом поэтического сборника Морского «Сурдина пурги» [Морской 1927] и продолжалась с перерывами в течение нескольких лет. Благодарный за внимание к нему, Морской посвятил «буревестнику революции» послание в стихах, сохранившееся в архиве Горького [АГ, РАВ-пГ-31-7-1]:

Максиму Горькому

Окованная молниями туча
Мою зарю грозой потрясла.
Вздымая прах и волны моря пуча,
Она тебя на землю к нам несла.

Тебя, приволжского бродягу-великана,
С душой младенчески отзывчиво-простой.

От Молодецкого Степанова¹ кургана
Россию всю ты озарил собой.

Тогда и я, качаясь в рваной зыбке,
К сиянью солнца руки протянул.
В твоей полуденной властительной улыбке
Я, точно месяц в Волге, утонул.

И вот теперь, когда мой полдень светит,
Неотразимыми потоками лучей,
Ты вновь зажег все лучшее в поэте
И крылья дал полету тяжких дней.

Пересекая пополам дорогу
Твоих раскатистых, как громы, шестьдесят,
С тридцатилетнего кричу порога:
«Звени и пой, как Разинов булат!»

После приезда Горького в мае 1928 г. из Италии в Москву на юбилейные, по случаю его 60-летия, торжества Морской обратился privately к классику с двумя письмами – 28 мая и 12 июня, в которых поделился наболевшими размышлениями о корпоративной структуре советской власти, жалуясь, в частности, на притеснения новой бюрократией крестьянства, социальную несправедливость в литературной «политике». Вскоре состоялась личная встреча двух писателей на квартире Горького, подробности которой известны из воспоминаний Морского [АГ, МоГ-9-22-1].

Делясь с Горьким размышлениями по поводу общественной и литературной жизни в СССР, Морской рассчитывал на авторитет основоположника пролетарской литературы и его влияние на И.В. Сталина: «Вы, Алексей Максимович, наш национальный русский великий писатель. Ваш приезд вызвал взрыв национальной радости. Вы своим появлением всколыхнули Россию, и она вновь способна на героические подвиги по первому Вашему зову. Это потому, что русская душа стосковалась по русскому гению, который был и есть оплот ее культуры и лучших надежд. Но Ваш же приезд поверг многих в уныние. Именно тех, кто десять лет шантажировал в лите-

¹ Вероятно, имеется в виду волжский Утес Степана Разина (на границе нынешних Саратовской и Волгоградской областей).

ратуре и был самым собой и сподвижниками своими вознесен незаслуженно до облаков. Вы своим приездом произнесли им смертный приговор. Мы, русские, видим в Вас творца и защитника великой русской литературы»; «Лебезить и лакейничать мы не научились, мы говорим прямо о недостатках. А это не нравится тому, кто, прикрываясь партбилетом, всячески оправдывает свое паразитство, потому что ему тепло, уютно, сытно и привольно»; «Из всех властей, советская – лучшая. Ее основные стремления правильны. Русский народ иной не приемлет. Но он многим недоволен»; «Русская крестьянская молодежь хочет учиться и рвется в город. Но в школах для нее мест нет. Остается на бульваре и под забором»; «В Китае делаем революцию, бросая туда остатки жалких средств, а свой пролетарий голодает. Китайцев учим в университетах, кормим, одеваем, – а своим, искалеченным в сражениях Гражданской войны, обещаем коммунистический рай, который отстоит ничуть не ближе поповского царствия небесного. На деле же: продают за неплатеж налога последнюю коровенку, оставляя кучу детей на сухой корке с водой. Положение городского рабочего, конечно, другое – лучшее. Но много ли в России рабочих? Россия, пока, крестьянская... С ней надо считаться»; «До сих пор беспартийная масса – рабочая и тем более крестьянство – не может откровенно говорить с теми, у кого в кармане партбилет. <...> Это очень плохо, но это так. Ведь нельзя нигде и ни в чем проявить инициативу! Прямо – клетка, да только. Помоему, все это ведет к плохому, об этом надо предупредить, кого следует... Я пишу обо всем этом потому, что люблю советскую страну...» [АГ, КГ-п-52-11-8, КГ-п-52-11-9].

Между тем Горький – неожиданно для Морского – отреагировал на эти письма в статье «"Механическим гражданам" СССР. Ответ корреспондентам», напечатанной 7 октября 1928 г. одновременно в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», где, не упоминая прямо имя Морского («"поэт из крестьян", антисемит»), процитировал фрагмент доверительного эпистолярного обращения последнего к нему: «За четыре месяца, прожитых мною в Союзе Советов, я получил свыше тысячи писем и, среди них, сотни две посланий от граждан противосоветского умонастроения. Многие из авторов писем требуют ответа, но я физически не могу ответить каждому и отвечаю всем сразу. Чтобы направление ответа не возбудило вопроса: кому же именно? – называю некоторых корреспондентов: Это – "обыватель, который механически стал гражданином СССР"; за-

тем: "группа русских"; автор письма о "Вавилонской башне"; человек, который в МГУ слушал лекции Бухарина, Луначарского и др. строителей социализма... затем – "поэт из крестьян", антисемит; "пролетарский поэт", у которого украли пальто и галоши; "бывший меламед", "бывшие поклонники"; "убежденный защитник мещанства" и десятки других "механических граждан"; «Литератор, которого – казалось бы – профессия обязывает быть грамотным, сообщает: "У нас, при общем взгляде на литературу, как будто и нет талантов. Печатаются евреи, кричат о них, редактируют они. Просто тошно". И мне тошно, гражданин, от вашего дикого невежества. Ибо кричат у нас о Шолохове, Фадееве, Панферове, И. Вольном, С. Семенове, Ф. Гладкове, Олеше и т. д., всё о "православных", о русских. "Известия" редактируют И.И. Скворцов-Степанов и Гронский. "Правду" – М.И. Ульянова и Бухарин. "Рабочую газету" – Мальцев и Смирнов, "Комсомольскую правду" – Костров, "Красную новь" – Раскольников, "Новый мир" – Луначарский и т. д., тоже все русские. Но – если бы и евреи? Вы, гражданин-поэт, думаете, что, например, Бабель или Уткин и другие талантливые евреи хуже такого христианского гуся, как вы? Ошибаетесь, гражданин, ошибаетесь по малограмотности вашей!» [Горький 1928; ср.: Горький 1933, 24, 27].

Комментируя данное обстоятельство в своих мемуарах, написанных по просьбе Архива А.М. Горького в 1954 г., Морской сообщал: «Я прочитал эту статью и провалился сквозь землю. М. Горький называл меня антисемитом. Антисемитом я никогда не был и к еврейской нации всегда питал полное уважение за ее стойкость, культуру и упорство в борьбе. Всё дело в том, что я написал Алексею Максимовичу о том болезненном явлении в социальной среде, которое бытовало в те дни в обществе. Я только явился объективным выразителем этих нездоровых настроений и просил Алексея Максимовича в своем письме, чтобы он переговорил об этом с И.В. Сталиным» [АГ, МоГ-9-22-1].

В неопубликованном автобиографическом романе «Неслышанный голос» (книга третья) Морской передает меняющиеся представления своего героя, Ефрема Архипова, о личности обожаемого им «гения», навеянные, несомненно, обидой на выступление Горького, идеологически компрометирующее Морского в правовых условиях первых десятилетий советской власти, ср., напр.: «Был момент, когда оба они готовы были броситься друг другу в объятия... Ефрем тряс костлявую ладонь гения так сильно, что тот, освободив ее, по-152

дул на бледную кожу и отечески укоризненно посмотрел на своего нового молодого друга. На лице гения трепетало невыразимое чувство благодарности, радости и счастья. Поэт резко сорвался с места и полными шагами шел к двери. За ним любовно смотрел учитель и говорил напутственно: "– В пятницу звоните. Обязательно!" Не чувствуя ног, точно в самом деле на крыльях, летел Ефрем домой к Анне. Варьируя на разные лады, рассказывал ей про свой визит. Оба они ликовали, решив, что черное прошлое озарено сиянием гения и вечно станет светить им солнце славы и радости. Но ошибка уже была допущена и плоды ее зрели на горьком дереве, пропитанном ядом разочарования»; «Голос сердца поэта не вызвал отзвука в черством, расчетливом уме увенчанного лаврами прозаика. Он жил под голубым небом поющей страны. Без его ведома, в банки, на его текущие счета, лилось золото, как вода по желобу. Великий писатель не знал нужды. Муки творчества его не тревожили. Он только желал, а штат секретарей исполнял его волю. Он добился царских почестей: возили его в курьерских поездах со всеми удобствами богатой европейской квартиры, на вокзалах и в городах власти создавали ему пышные торжественные встречи с овациями, цветами и банкетам. По морям катали великого писателя в особых, специально для него снаряженных пароходах. Власти заботились, чтобы агенты в портовых городах расклеивали громкие афиши с портретом "мирового гения" и привлекали толпы народа для встречи феноменального светила. А он, этот сгнивший пень, в самом деле верил, что он светило мира; он думал, что те фельетоны, которые писал по адресу своих врагов, – действительно производят геологические сдвиги в мировых массах, а на самом деле этот сгнивший пень чадил пылью и вызывал чихание в здоровых легких. Он не догадывался, что его возят и нячнутся с ним, как с политической куклой, которую показывали глупым детям, чтобы они не плакали» [ЦГА РМ, ф. Р-2100, оп. 1, ед. хр. 82, л. 187–188, 191–192].

Весьма полемично отозвался Морской здесь же и об упомянутой статье Горького, пародируя ее: «И мне тошно, гражданин, от вашего дикого невежества. Ибо кричат у нас о Рубинштейне, Цацкине, Рабиновиче, Штокмане, Перельмане, Голдовиче, Цырлине и т. д., всё о "православных", о русских. "Вести" редактирует Таль-Бронштейн и Зоркинзон. "Трактор" – Розенталь и Маргулис. "Ежедневную газету" – Калманович и Лейбман. "Молодежь" – Шацкес и

Элькин и т. д., тоже все русские» [ЦГА РМ, ф. Р-2100. оп. 1, ед. хр. 82, л. 222–223].

Любопытно, что одна из встреч Горького с Морским состоялась той же осенью 1928 г. в стенах МХАТа и была связана с драматическими опытами признанного писателя и начинающего автора, о чем последний рассказал с мельчайшими деталями в романе «Неслыханный голос» и более сдержанно в своих воспоминаниях: «Через два дня я пошел в Московский художественный театр на свидание с народным артистом республики В.И. Качаловым. Цель моего визита состояла в том, чтобы переговорить с Василием Ивановичем о приспособлении моей поэмы "Буря" на сцене Художественного театра...²»; «Войдя в вестибюль театра, я заметил пробегающих артистов через вестибюль в большом переполохе. Пробежал и Василий Иванович и Немирович-Данченко... Все бежали, ничего и никого не видя. В чем дело? – думал я, остановившись в нерешительности, – и в это время за мной вошел Алексей Максимович»; «Ах, вот в чем секрет. Я сделал шаг к Алексею Максимовичу. Он смутился. Но я ему не дал ни секунды для раздумья и выпалил от всего сердца: "Алексей Максимович! Мне стыдно!". Резко повернулся и направился к выходу, а Горький в нерешительности топтался на месте...» [АГ, МоГ-9-22-1].

2

Арест Морского 1 января 1935 г. был прямо или косвенно связан с его откровениями в письмах к Горькому, переписку которого контролировали разнообразные «секретари», и с печатным ответом Горького своим «корреспондентам» в правительственных газетах. Все обстоятельства обвинения Морского в «антисоветской агитации» документально пока не изучены, если их сейчас вообще можно установить [см., однако: Ишбулатов 2012]. Но в черновике обращения к И.В. Сталину 10 декабря 1935 г. Морской, отбывавший трехлетнее наказание в исправительно-трудовом лагере на строительстве Байкало-Амурской магистрали, писал вождю: «...Никакого преступления я не совершал и инкриминируемая мне антисоветская агитация среди писателей является голословным утверждением следователя», «Моя переписка и личные беседы с А.М. Горьким ни в коей

² В литературном наследии Морского имеется также несколько драматических произведений, относящихся к 1920-м гг.

мере не могут служить обвинительным материалом для заключения меня в лагерь...» [ЦГА РМ, ф. Р-2100, оп. 1, ед. хр. 209, л. 16 об.].

3

Еще один сюжет взаимоотношения писателей – оценка Горьким стихотворения Морского «На бульваре», посланного ему поэтом 9 февраля 1929 г.: «Посылаю Вам одно жанровое стихотворение "На бульваре", написанное осенью 1927 г. Пишу Вам из Севастополя. Лечусь в санатории им. Сталина, за счет Литер. фонда РСФСР, сроком с 1-го по 28 февр.» [АГ, КГ-п-52-11-3.]. Приведем текст этого не печатавшегося ранее произведения Морского:

НА БУЛЬВАРЕ³

Медведь танцует. Поют цыгане,
Баяны, бубны говорят.
Вприсядку пляшут, все на аркане,
Двенадцать бурых медвежат.
В Тайге безлюдной порой весенней
Токуют так тетерева...
Медведь танцует... Во мгле осенней
Летит поблекшая листва.
Баяны, бубны и песнь цыгана
Толпу веселую несут...
Медведю снится: в седом тумане
Берлога теплая в лесу.
Забыл цыгана. Не слышит бубна,
Не видит палки над собой.
Аркан не давит петлею губы,
И весь в Тайге он голубой.
Мурлычит нежно ребятам малым
Медвежью сказку в полусне.
И тянет лапу к глазам усталым,
И, дремля, грезит о весне.
И снова тихо он продолжает
Рассказ печальный свой о том,
Как злой охотник подстерегает

³ См., в частности: ЦГА РМ, ф. Р-2100, оп. 1, ед. хр. 37, л. 55, 151.

И прочь уводит их потом.
Но вот хозяин⁴ кричит так рьяно,
Дубиной хлещет по зубам.
«А покажи-ка, как ходит пьянай»...
Дубина в морду – бам-да-бам!
Летят все грезы. В арканах дети.
Хохочет сытый круг зевак.
Баяны... Бубны... Слезятся ветви...
Хозяин⁵ бьет, кричит «Нэ так!».
Медведь ложится, молчат цыгане.
Баяны, бубны не звенят.
Летят копейки... Бульвар в тумане.
Двенадцать бурых медвежат.
Для Миши нет сиянья дня⁶.
<И на ночь в клетку их загоняют
И учат разным номерам,
А утром снова все потешают
Толпу смешную здесь и там.
Медведь танцует. Поют цыгане.
Баяны, бубны говорят.
Вприсядку пляшут все на аркане
Двенадцать бурых медвежат.>

Октябрь 1927⁷

⁴ В другом списке-автографе – кочевник (вместо зачеркнутого *цыганин*).

⁵ В другом списке-автографе – бродяга (вместо зачеркнутого *цыганин*).

⁶ Эта строка и дальнейший текст в сокращенной редакции стихотворения, посланной Морским Горькому, отсутствовали (воспроизводим продолжение расширенной редакции произведения в угловых скобках).

⁷ В письме Морского к Горькому – «Осень. 1927 г.» (см. ниже). Ср. также менее идеологизированное стихотворение Б.М. Зубакина «Медведь на бульваре», давшее название его поэтическому сборнику (!), где есть, в частности, такие строки: «Ай-яй. Ай-яй, ай-яй, яй-яй! / Чего же ты рычишь?! / И цепь грызешь и мне грозишь? – / Пляши, коль жить хотишь!.. // Я ль враг тебе, иль ты мне враг. – / Но цепь у нас – одна! / Чего ж, косишься злобно так, – / Звериная шпана?!» [Зубакин 1929, 3–4]. Заметим, что Морской и Зубакин, вероятно, были знакомы, поскольку оба посещали «Никитинские субботники» в Москве [Фельдман 2018, 198–202 и др.]; одновременно Зубакин переписывался в те годы с Горьким и даже гостил у него осенью 1927 г. в Сорренто [Немировский, Уколова 1994, 133–233], где мог слышать об указанном стихотворении Морского.

Горький отозвался об этом произведении в письме к Морскому от 22 февраля 1929 г. из Сорренто: «Стихотворение не понравилось мне, не ясно и не понятно в нем многое» [Горький 2018, 247; см. также: Летопись 1959, т. 3, с. 706]. Классик, скорее всего, сделал вид, что не понял поэтической криптографии Морского, изобразившего во внешне незатейливой и даже грубовато-лубочной миниатюре в юбилейный год Революции судьбу рабоче-крестьянских масс, свергнувших самодержавие... Вряд ли случайны здесь и иронические переключки с поэмой А. Блока «Двенадцать».

Получив стихотворение с карандашными заметками Горького, Морской ответил: «За указания в стихах – благодарю сильно» [АГ, КГ-п-52-11-4].

В архиве поэта имелся этот автограф стихотворения с пометами Горького красным карандашом.

Комментируя данный факт, первый исследователь творчества Морского писал: «Вот рукопись стихотворения... "На бульваре". Она побывала на рабочем столе А.М. Горького. Лист испещрен красным карандашом. <...> Стихотворение начиналось так: "Медведь танцует. Поют цыгане, / Баяны, бубны говорят, / Вприсядку пляшут все на аркане / Двенадцать бурых медвежат". Слово "баяны" А.М. Горьким подчеркнуто, после него поставлен вопросительный знак. Справа, на полях: "Что значат – в данном случае – баяны? Сказочники, певцы?". Слово "все" в третьей строке зачеркнуто. Напротив четвертой строки – замечание: "Откуда так много?" <...> И так, столь же внимательно и строго, просмотрены Алексеем Максимовичем все строфы и строки стихотворения» [Васильев Л. 1964, 45–46]. Со своей стороны заметим, что лексема *баян* употреблена Морским в ее обыденном значении «гармонь», а словоформа *все* в третьей строке (действительно, семантически излишняя) нужна поэту по версификационным соображениям – для соблюдения чередующегося 5/4-стопного ямба, ср. во второй внутренней строфе: «В тайге безлюдной порой весенней / Токуют так тетерева... / Медведь танцует... Во мгле осенней / Летит поблекшая листва».

Стихотворение – отголосок упомянутых писем Морского к Горькому, ср.: «Русская крестьянская молодежь хочет учиться и рвется в город. Но в школах для нее мест нет. Остается **на бульваре** (здесь и далее выделено нами. – Н. В., Д. Ж.) и под забором. В результате – бандиты или кончают жизнь самоубийством. Сколько их, покончивших <с> собой? Много. Но, ни одного еврея...»; «Русской кровью расписы-

ваются на кассовых ордерах и банковских чеках в получении сотен и тысяч рублей, вытянутых из жил трудового крестьянства в виде налогов и других поборов. До обуздания спекулятивных appetитов еврейства ропот народный не умолкнет и не изживется антисемитизм. Наоборот, будут расти до пределов катастрофы. <...> Семиты всё это знают и понимают. Но от жирного куска не отрекаются. <...> Как дикие **кочевники**, стараются максимум выжать выгод из мест, где они в данное время остановились на отдых. Им все равно – они **кочуют**. Завтра переедут на новое место. Эта **цыганская** психология глубоко в них сидит. Родины у них нет. <...> Это роковая ошибка, за которую дорого заплатятся» [АГ, КГ-п-52-11-9].

4

Морской гордился вниманием Горького к нему – в письмах последнего и во время приездов классика в Москву – и не упускал случая подчеркнуть этот факт в стремлении сделать успешную писательскую карьеру. Иногда его авторское самолюбие сталкивалось с неприятием Горьким отдельных произведений начинающего писателя. Так, Морской холодно и едва ли не дерзко отреагировал на уничижительную оценку классиком готовящейся к публикации рукописи своего автобиографического романа-дневника «Неслыханный голос», описывающего события 1914–1922 гг. с точки зрения «сына батрака⁸», написав Горькому: «Не права Ваша критика в том месте, где Вы приписываете лично автору слова героя. От начала и до конца повествование ведется от самого героя и нигде ни слова от автора. Автор объективен, он в стороне. Отожествив личность автора с образом героя, Вы допустили всё ту же из века в век повторяемую ошибку в оценке художественного произведения»; «Вы – вождь. Ваше слово – тяжелое слово. Оно может или убить, или дать жизнь. Хорошо, когда это слово падает на голову врага, но а когда обрушивается на череп человека своего класса, тогда Вы делаете еще большую ошибку, чем если бы никогда не брались за перевоспитание таких, как я, потому что к Вашему голосу я прислушивался и прислушиваюсь, потому что Вы мой вождь и учитель»; «В образе Ефрема Архипова я дал картину борьбы молодого даровитого батрака

⁸«Автор никого в мире не видит и не чувствует, кроме себя самого. Он – малограмотен и политически, и литературно. Он слишком "жаждет любви" и очень смешно кричит об этом на протяжении всей рукописи» [АГ, ОРГ 3-24-1].

против общественного уклада дооктябрьской России. Правда, эта борьба не связана с большими и глубокими социальными чувствами. Она стихийна, как сама мелкобуржуазная психика русского крестьянина. Большая сила способного деревенского парня Ефрема Архипова не переключена в нужном направлении. Она бунтует в нем, ищет выхода и бурно устремляется по линии наименьшего сопротивления – к любви. Ни направить, ни остановить этой сокрушительной энергии своевременно никто не мог, потому что некому было. Отсюда – искривление ценного характера; гибель талантливого человека, который при других условиях мог бы сделаться украшением и гордостью своего класса. Но, идя по линии наименьшего сопротивления анархствующего бунтаря, Ефрем Архипов, впоследствии осознает ложность своего пути, примыкает к своему классу и любовь превращает в орудие мести за перенесенные оскорбления, презрение и нищету в детстве и в юности, длившиеся вплоть до Октября. Но и после Октября он, не подготовленный к коллективной борьбе за дело освобождения трудящихся, попадая в среду карьеристов, не находит применения своим силам. Он отворачивается временно от родного ему класса, обиженный тем, что его способности не нужны, его достоинства излишни; отсюда вырос новый конфликт уже с родственной ему средой. Ефрем Архипов увидел, что для того, чтобы жить, нужно изворачиваться, нужно ловчиться, лгать, приспособляться. Обладая честным умом, он не может не презирать этой манеры жить, не может не чувствовать ненависти к тем, кто заставляет его так делать, прикрываясь высокими лозунгами социализма и замазывая ими грязную картину шкурничества. И вот Ефрем Архипов снова один за бортом корабля Революции. Отравленный злобой, не зная, куда девать могучую силу батрацких мышц, он опять ищет разрядку в любви, как отдушину бунтующей энергии. И вполне естественно и психологически верно, когда он восклицает: "Я не хочу быть таким, как окружающие меня!"; «Нет произведения, о котором нельзя было бы спорить. Я написал Вам это письмо потому, что Вы недооценили мой "НЕСЛЫХАННЫЙ ГОЛОС"»; «Надеюсь, что мое объяснение не выходит из рамок вежливости и глубокого уважения к Вам. Дмитрий Морской. 3/VII–1932» [АГ, КГ-п-52-11-7].

Вместе с тем известно, что Горький искренне симпатизировал Морскому, заботился о нем и даже 15 января 1931 г., будучи в Сор-

ренто, обращался через своего литературного секретаря П.П. Крючкова к заместителю председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде с просьбой повлиять на исход каких-то неприятностей в отношении крестьянского поэта [Горький 2018, 182, 637 (прим.)], издавшего к тому времени три поэтические книги, в том числе навеянные мордовским этническим колоритом [Морской 1929; 1930], близким самому Горькому, имевшему соответствующие финно-угорские корни [Васильев Н. 2013, 173]. Отчасти он сам инициировал работу Морской над этими сюжетами, призывая его в первом же письме (от 18 октября 1927 г.): «А кроме этого, у Вас есть и еще богатейший материал – в легендах, сказках, песнях Вашего племени» [Горький 2014, 62].

Однако сам Морской, уязвленный печатной реакцией Горького по поводу своих частных публицистических писем к нему, писал в автобиографической заметке предположительно в 1938 г.⁹, заодно припомнив корреспонденту и другое его высказывание: «Хоть "мертвых с кладбища не носят", но, коль скоро дело коснулось покойного А.М. Горького, позволю себе упомянуть его имя. В своих критических и публицистических статьях великий покойник высказывал одно, а в частных письмах и в личных разговорах – другое, противоположное тому, что говорил в печати. Например, ратуя в советской печати за злободневность художественной литературы, в своих письмах ко мне он советовал писать произведения из жизни своего мордовского племени (выдержка из письма). О Чернышевском он выразился так (в другом письме)¹⁰, тогда как партийная печать роман Чернышевского "Что делать" рекомендовала как образец гармонического слияния искусства и публицистики и советовала по этому произведению учиться писать нам, молодым советским художникам слова» [ЦГА РМ, Р-2100, оп. 2, ед. хр. 17, л. 11–12 об. (черновик)].

⁹ Она переключается с черновиками эпистолярного обращения поэта к И.В. Сталину, датированного 10 декабря 1935 г.: «Моя переписка и личные беседы с А.М. Горьким ни в коей мере не могут служить обвинительным материалом для заключения меня в лагерь...» [ЦГА РМ. ф. Р-2100, оп. 1. ед. хр. 209. л. 16–16 об.].

¹⁰«У кого есть содержание, тот не будет хлопотать, чтоб отличаться оригинальностью», – цитируете вы Чернышевского, опыт которого прекрасно отливался в формы критических и политических статей, но очень неудачно отлился в форму романа» (Горький – Морскому, 9 января 1929 г.) [см.: Горький 2016, с. 187–188].

Наконец, есть еще один сюжет, связанный с темой статьи. 18 мая 1935 г. под Москвой разбился самолет «Максим Горький». В этой катастрофе, происшедшей с участием летчика другого самолета – Н.П. Благина, погибли 11 человек экипажа «Максима Горького» и 36 почетных пассажиров из числа инженеров, техников, рабочих Центрального аэрогидродинамического института, включая несколько членов их семей (до этого распространялись слухи, что в самолете займут места и высшие лица государства). Выходившая в Париже эмигрантская газета «Возрождение» 12 сентября 1935 г. перепечатала из польской газеты «Меч» предсмертное письмо Благина, о подлинности которого, впрочем, спорят: «Братья и сестры! Вы живете в стране, зараженной коммунистической чумой, где господствует красный кровавый империализм. Именем ВКПб... прикрываются бандиты, убийцы, бродяги, идиоты, сумасшедшие, кретины и дегенераты. <...> Никто из вас не должен забывать, что эта ВКП означает второе рабство. Хорошо запомните имена этих узурпаторов... которые взяли на себя труд восхвалять самих себя и которые называют себя мудрыми и любимыми народом. Никто из вас не должен забывать голод, который свирепствовал с 1921 по 1933 год, во время которого ели не только собак и кошек, но даже человеческое мясо. <...> В то время как у нас отбирали последние средства в виде принудительных займов и т. д., бандиты-коммунисты организовывали крупные попойки, танцевальные вечера и дикие оргии с проститутками и разбазаривали народные миллионы. <...> Не забывайте также и то, почему был убит бандит Киров! Вам прекрасно знакомы гримасы грабителей-узурпаторов Сталина, Кагановича, Димитрова и других коммунистов. <...> Никогда и нигде в мире не будет покоя до тех пор, пока коммунизм, эта бацилла в теле человечества, не будет уничтожена до последнего большевистского убийцы. <...> Власть находится в руках коммунистов-евреев, которые распространили свое господство также и на музыку, литературу, искусство и т. д. <...> Завтра я поведу свою крылатую машину и протараню самолет, который носит имя негодяя Максима Горького! Таким способом я убью десяток коммунистов-бездельников, «ударников» (коммунистических гвардейцев), как они любят себя называть. <...> Я скоро умру, но вы вечно помните о мстителе... погибшем за

русский народ! Москва, 17 мая 1935 года Николай Благин, летчик» [Сойма 2005, 333-334].

Поэт, отбывавший наказание за «антисоветскую агитацию», откликнулся на это событие патриотическими стихами:

ОБ УПАВШЕЙ ПТИЦЕ¹¹

На заре садовник поливает
Полевые, алые цветы...
Над тайгою, соколом взмываясь,
Моноплан¹² сквозь марево летит.
Он летит и неизбывной песней
Будит в сердце по родным тоску –
Ведь наутро он над Красной Пресней
Струнным шквалом оплеснет Москву.
Всколыхнет и птиц аэродрома
И, кружась среди приветных стай,
Сядет он за легкокрылым домом,
Бреюще обрезав неба край.
Но в ряду забытых и знакомых
Не найдет он птицы той большой,
Что летала с переливным громом
В молниях и звонах над Москвой.
Сквозь печали горестной потери
Не туманясь пасмурью скорбей –
Сын Советов, высоту измерив,
Выпустит с ладони лебедей.
Лебедей доселе небывалых!
Тех, что кроют крыльями лазурь,
Тех, что в небе перекатным шквалом
Разбивают стену черных бурь.

¹¹ ЦГА РМ. Ф. 2100. Оп. 1. Ед. хр. 1867. Л. 48 – 48 об. В оглавлении рукописного сборника автора «Побежденная стихия: поэмы и стихи» (1935) – под названием «Об упавшей птице (Максим Горький)» [ЦГА РМ. Ф. 2100. Оп. 1. Ед. хр. 186. Л. 57].

¹² «Аэроплан, имеющий одну пару крыльев, расположенных в одной плоскости» [Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Л., 1938. Т. 2. Стб. 256]. С другой стороны, во внутренней форме этого слова кроется образный подтекст: «с одним крылом»...

<Я> хочу стоять у наковален,
Где рождаются из стальной волны
Голуби, что выпестовал Сталин
Для защиты трудовой страны.
Чтобы там, на стальных наковальнях,
Выковали из моих даров
Самолету для полетов дальних
Золотое элерон¹³-перо;
Чтоб уменьшить с родиной разлуку,
Я отдам ей дар высокий мой –
Протяну через пространство руку,
Брошу сердце в переплав крутой.
И взамен одной упавшей птицы
Отольем мы тысячи других.
Подопрем мы родины границы
Косяками лебедей литых.

21/VI – 1935.

Сделаем выводы. Анализ привычного историко-ландшафтного полотна «Горький и начинающие советские писатели» под углубленным архивным «рентгеном» позволяет увидеть скрытые факты и подтексты – по существу новый биографический *текст*, т. е. *на-лимнсест*... Горький живо откликнулся на письмо Морского в связи с выходом первой поэтической книги; поддерживал молодого автора, переписываясь с ним и проявляя заботу о его жизненном благополучии. Однако классик не разделял взгляды Морского на некоторые последствия прихода к власти большевиков и печатно выступил против этно-культурных крайностей в высказываниях младшего современника, с раздражением отозвался о его полудневниковой прозе («Неслыханный голос»). В результате в отношениях писателей наступило охлаждение, что косвенно сказалось в судьбе и творчестве Морского, не скрывавшего обиду на Горького и избегавшего позже эпических прозаических опытов.

Источники

АГ – Архив А.М. Горького (ИМЛИ РАН).

¹³ Технический термин, обозначающий механизм управления аэродинамической силой самолета.

ЦГА РМ – Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. Р-2100 (Малышев-Морской Д.И.).

Литература

Горький 1928 – Горький М. *«Механическим гражданам» СССР. Ответ корреспондентам // Известия.* 1928. № 234. С. 3.

Горький 1933 – Горький М. *Публицистические статьи /* Ред. и прим. И.А. Груздева. Л., 1933.

Горький 1963 – *Горький – Д.И. Морской /* Подгот. текстов, вступ. зам. и прим. Ф.М. Иоффе // *Литературное наследство.* Т. 70: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963. С. 289-292.

Горький 2014 – Горький М. *Полн. собр. соч.: Письма:* В 24 т. Т. 17. М., 2014.

Горький 2016 – Горький М. *Полн. собр. соч.: Письма:* В 24 т. Т. 18. М., 2016.

Горький 2018 – Горький М. *Полн. собр. соч.: Письма:* В 24 т. Т. 20. М., 2018.

Васильев Л. 1964 – Васильев Л.Г. *Дмитрий Морской: очерк жизни и творчества.* Саранск, 1964.

Васильев Н. 2013 – Васильев Н.Л. *Русские писатели в мордовском крае (XVIII – начало XX в.): Словарь-справочник.* Саранск, 2013.

Зубакин 1929 – Зубакин Б. *Медведь на бульваре.* М., 1929.

Ишбулатов 2012 – Ишбулатов Ф.И. *«...Был и останусь до смерти сыном народа»: Главы из готовящейся к изданию книги «Жизнь и судьба поэта Дмитрия Мирского» // Гостинный двор: лит.-худ. и общественно-полит. альманах.* № 37. [Оренбург]. 2012. С. 258-263.

Летопись 1959 – *Летопись жизни и творчества А.М. Горького:* [В 4 вып.] Т. 3: 1917–1929. М., 1959.

Морской 1927 – Морской Д. *Сурдина пурги: Стихи 1921–1926 г.* М.; Л., 1927.

Морской 1929 Морской Д.И. *Ульяна Сосновская: Поэма.* М.; Л., 1929 (2-е изд. – 1930).

Морской 1930 – Морской Д. *Нувази: Поэма о мордве.* М.; Л., 1930.

Немировский, Уколова 1994 – Немировский А.И., Уколова В.И. *Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер.* М., 1994.

Сойма 2005 - Сойма В.М. *Запрещенный Сталин.* М., 2005.

Фельдман 2018 – Фельдман Д.М. *Салон-предприятие: писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов.* М., 2018.

M. GORKY and D. MORSKOY, or «GENIUS and VILLAINY...»

© **Vasiliev Nikolay Leonidovich**, SPIN-code: 6568-3884, doctor of Philology, Professor, National research Mordovian State University. N.P. Ogareva (68 Bolshevistskaya str., Saransk, 430005, Russia), nikolai_vasiliev@mail.ru

© **Zhatkin Dmitry Nikolayevich**, SPIN-code: 7997-9846, doctor of Philology, Professor, Penza State Technological University (1a/11 Bajdukov thoroughfare / Gagarin str., Penza, Russia), ivb40@yandex.ru

The article considers previously unknown circumstances of epistolary, creative and everyday communication of the half-forgotten peasant poet of the «Yesenin school», graduate of the Higher literary and artistic Institute named after V.Ya. Bryusov D.I. Morskoj (1897–1956) with A.M. Gorky (1868–1936), which partly led to the accusation of the first in «anti-Soviet agitation among writers» and after that repeatedly repressed. In the works of former researchers The relations between the writers were idealized in favor of the prevailing historical and literary paradigm and due to ideological reasons. In this publication, new materials from the archives of A.M. Gorky (Institute of world literature of the Russian Academy of Sciences) and D.I. Morskoj (Central state archive of the Republic of Mordovia, personal funds) are introduced into scientific circulation for the first time: letters, poetic, prose, memoirs of Morskoj: «Maxim Gorky» (1927), «On the Boulevard» (1927), «About a fallen bird (Maxim Gorky)» (1935), «Unheard voice» (late 1920 – early 1930s), «What killed me <?>» (1938), «Memoirs of D.I. Morskoj about A.M. Gorky» (1954) – allowing to revise the previous literary installations. Conclusions are drawn about more complex than previously seen, ideological, estetic, psychological reasons that arose in the early 1930s disagreements between the founder of Soviet literature and the young author, a native of the provincial Mordovian environment of the former Samara province. The submitted documents complement with the new features the look of Gorky, forced to maneuver in conditions of temporary emigration between, on the one hand, foreign intellectuals, on the other – the highest Soviet bureaucracy, the literary «elite» and the oppositional writers' votes of the worker-peasant environment in the Soviet Union, declared itself on the soil of disappointment in the aftermath of the 1917 revolution, with its unrealized statements about the "hegemony of the proletariat" in the new socialist society.

Keywords: Gorky, D.I. Morskoj, «anti-Soviet agitation», correspondence, vers-

References

(Articles from Scientific Journals)

Горький 1928 – Gor'kiy 1928 – Gor'kiy M. «Mekhanicheskim grahdanam» SSSR. Otvet korrespondentam ["Mechanical citizens" of the USSR. Response to correspondents]. Izvestiya, 1928, no. 234, pp. 3. (In Russian).

Ишбулатов 2012 – Ishbulatov F.I. «...Byl i ostanus' do smerti synom naroda»: Glavy iz gotovyashcheysya k izdaniyu knigi «ZHizn' i sud'ba poeta Dmitriya Mirskogo» ["...Was and will remain until death the son of the people": Chapters from the book "Life and destiny of the poet Dmitry Morsky" which is being prepared for publication]. Gostinyy dvor: lit.-khud. i obshchestvenno-polit. al'manakh, no. 37. [Orenburg], 2012, pp. 258–263. (In Russian).

(Monographs)

Горький 1933 – Gor'kiy M. Publitsisticheskiye stat'i [Publicist articles]. Ed. I.A. Gruzdev. Leningrad, 1933. (In Russian).

Горький 1963 – Gor'kiy – D.I. Morskoy [D.I. Morskoy]. Ed. F.M. Ioffe. Literaturnoye nasledstvo. T. 70: Gor'kiy i sovetskiye pisateli. Neizdannaya perepiska. Moscow, 1963, pp. 289-292. (In Russian).

Горький 2014 – Gor'kiy M. Poln. sobr. soch.: Pis'ma [Complete works: Letters] : In 24 vol. Vol. 17. Moscow, 2014. (In Russian).

Горький 2016 – Gor'kiy M. Poln. sobr. soch.: Pis'ma [Complete works: Letters] : In 24 vol. Vol. 18. Moscow, 2016. (In Russian).

Горький 2018 – Gor'kiy M. Poln. sobr. soch.: Pis'ma [Complete works: Letters] : In 24 vol. Vol. 20. Moscow, 2018. (In Russian).

Васильев Л. 1964 – Vasil'yev L.G. Dmitriy Morskoy: ocherk zhizni i tvorchestva [Dmitri Morskoy: sketch of the life and work]. Saransk, 1964. (In Russian).

Васильев Н. 2013 – Vasil'yev N.L. Russkiye pisateli v mordovskom krae (XVIII – nachalo XX v.): Slovar'-spravochnik [Russian writers in the Mordovia region (XVIII – early XX century): Dictionary-reference]. Saransk, 2013. (In Russian)

Зубакин 1929 – Zubakin B. Medved' na bul'vare [Bear on the Boulevard]. Moscow, 1929. (In Russian).

Летопись 1959 – Letopis' zhizni i tvorchestva A.M. Gor'kogo [Chronicles of the life and work of A.M. Gorky]: [In 4 vol.] Vol. 3: 1917–1929. Moscow, 1959. (In Russian).

Морской 1927 – Morskoy D. Surdina purgi: Stikhi 1921–1926 g. [Surdina of Blizzard: Poems 1921–1926]. Moscow, Leningrad, 1927. (In Russian).

Морской 1929 Morskoy D.I. Ul'yana Sosnovskaya: Poema [Ul'yana Sosnovskaya: Poem]. Moscow, Leningrad, 1929 (2-th ed. – 1930). (In Russian).

Морской 1930 – Morskoy D. Nuvazi: Poema o mordve [Nuvazi: Poem about the Mordovians]. Moscow, Leningrad, 1930. (In Russian).

Немировский, Уколова 1994 – Nemirovskiy A.I., Ukolova V.I. Svet zvezd, ili Posledniy russkiy rozenkreytser [The light of the stars, or the Latest Russian Rosicrucian]. Moscow, 1994. (In Russian).

Фельдман 2018 – Fel'dman D.M. Salon-predpriyatiye: pisatel'skoye ob'yedineniye i kooperativnoye izdatel'stvo «Nikitinskiye subbotniki» v kontekste literaturnogo protsessa 1920–1930-kh godov [Salon-enterprise: writers 'Association and cooperative publishing house "Nikitinsky subbotniki" in the context of the literary process of the 1920s–1930s]. Moscow, 2018. (In Russian).

Поступила в редакцию 12.03.2020